

Кобенко Ю. В., Костомаров П. И.

К ВОПРОСУ ИНВОЛЮЦИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТРАТ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Описание процессов языковой смерти является одной из важнейших задач современной лингвистики. В данной статье освещается современное состояние исследований по языковой смерти в РФ и за рубежом. Особое внимание в рамках анализа прецедентов языковой смерти уделяется рассмотрению динамики распада малых языковых форм в местах компактного проживания немецких переселенцев. На основе первичных данных предпринята попытка диагностирования феномена языковой инволюции на примере распада немецкоязычных страт представителей российских немцев Томской области.

Ключевые слова: инволюция, языковая смерть, российские немцы, немецкоязычные страты, русско-немецкий билингвизм, укрупненный интра-экстралингвистический подход.

Политическая ситуация в Германии в XVII–XVIII вв. привела к массовым миграциям коренного немецкого населения в Северную и Южную Америки, Австралию, Африку и на Восток Евразийского континента. Переселенцы, в основном ремесленники и земледельцы, основывали в миграции компактные поселения-колонии, тем самым пытаясь сохранить культурную и историческую самобытность. Общее количество немцев, прибывших в Россию по Пригласительному манифесту Екатерины Второй от 22.07.1763 г., составило около 23 000 (Ауман, Чеботарева, 1993: 313–316). Выходцы главным образом из Гессена, Рейнской области, Пфальца, Вюртемберга (Stumpp, 2004: 20) основали на Волге в 1764–1767 гг. более ста немецких колоний с общей численностью населения почти 32 000 человек (Жирмунский, 1933: 89), а в конце XVIII в. согласно ревизии 1796 г. – 237 000 человек (13-е место по империи, 0,3% всего населения) (Дизендорф, 1994: 683). На момент расформирования Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССРНП) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г. численность поволжских немцев составляла более 0,4 млн чел. (Герман, 1994: 284). Их насильственное перемещение в Сибирь (Восточно- и Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую, Омскую, Томскую, Новосибирскую, Кемеровскую области, Алтайский и Красноярский края и Хакассию) определило специфику немецкой речи в Западной Сибири: рейнско-гессенские диалекты немецкого языка. Динамика языковой изоляции вкупе с давлением русского как государственного языка в Сибири способствовали сначала появлению русско-немецкого билингвизма в местах поселения переселенцев из АССРНП, а позднее – утрате немецкими диалектами сфер своего использования. Продолжительные волны эмиграции российских немцев в 1990-е и 2000-е гг. привели к коренному изменению языковой ситуации в немецких поселениях: на фоне значительного сокращения немецкого населения русский язык становится доминантным средством общения (Москалюк, 2012: 276).

Необходимо отметить, что особенностью функционирования языковых форм немецких переселенцев в мире можно считать их полную изоляцию от основного немецкоязычного континуума в Германии (Brown, 2011), которую К. Маттхайер обозначает «разрывом континуума» (Kontinuitätsbruch) (Keel, Mattheier, 2003). По сценарию такого разрыва и развивались немецкие колонии, превратившиеся впоследствии в немецкоязычные «острова»: в компактных поселениях аммонитов на Западе США – пенсильванский немецкий (Pennsylvania Dutch, Amish), в Южной Бразилии – хунсрюкский (Hunsrückisch), в Намибии – африкаанс (капско-голландский), на Волге – альт-урбахский диалект (Дульзон, 1938).

Анализ языковых ситуаций в зарубежных и отечественных колониях-поселениях немцев недвусмысленно указывает на динамику распада немецких диалектов, что в свою очередь заставляет обратить внимание исследователей на феномен языковой смерти, являющейся в

настоящее время одной из фундаментальных проблем, стоящих перед представителями лингвистического сообщества. В общих чертах тема языковой смерти изложена в одноименной монографии известного британского лингвиста Д. Кристала (Crystal, 2000), однако следует признать отсутствие до настоящего времени устойчивого аппарата исследований прецедентов языковой смерти и, в том числе, теоретического конструкта. Существует 2 вида языковой смерти: 1) физический, когда умирает последний носитель, и 2) инволюционный, когда пользователи отказываются от собственного языка в пользу другого, более престижного. Первый вид достаточно полно отражён в работе Д. Кристала, в то время как второму еще предстоит получить освещение в научной литературе.

Динамика функционирования немецкоязычных страт российских немцев Сибири даёт почву для такой систематизации на материале прецедентов языковой смерти немецких переселенческих диалектов во всём мире благодаря следующим преимуществам: 1) типологически схожие явления лучше описывать на генетически родственном языковом материале; 2) дисперсия немецкой языковой материи позволяет отслеживать динамику распада в синхронии (до 50 лет); 3) достоверность результатов достигается синхронной работой несвязанных между собой лингвистов по всему миру в проблемном поле языковой инволюции, рассматриваемой как совокупность интра- и экстралингвистических признаков функционального и системно-структурного распада определённой языковой формы.

Зарубежная лингвистика накопила значительный опыт описания процессов языковой инволюции. Показательной является статья Х. Ю. Зассе «Language decay and contact-induced change: similarities and differences» («Распад языка и контактно обусловленное изменение: сходства и различия» (Sasse, 1992), в которой исследователь одним из первых ставит задачу этапного изучения процессов языковой смерти путем выделения ее промежуточных состояний. Начальной фазой исчезновения языка является language shift (языковой сдвиг) как результат социально-экономического или социально-психологического давления культурно-исторической среды, вынуждающего членов экономически слабой или миноритарной группы отказываться от своего языка или прекращать его передачу следующему поколению в пользу более престижного металека. Промежуточной фазой исчезновения является language decay (распад языка), проявляющаяся в ситуациях отказа молодого поколения передавать опыт предков (в том числе языковой) в силу нахождения в условиях новой языковой среды. Финальной же фазой исчезновения языка выступает language death (языковая смерть), под которой понимается прекращение регулярной коммуникации на языке предков.

На сегодняшний день понятийно-терминологический аппарат языковой инволюции заметно укрупнился за счет таких новых терминов, как language obsolescence (устаревание языка), language attrition (стирание языка), language loss (потеря языка), language extinction (вымирание языка), language suicide (языковое самоубийство), language demise (упадок языка). Приведем дефиницию данных терминологических единиц.

По мнению бельгийского ученого П. Свигерса, language obsolescence (устаревание языка) «имеет и количественное и собственно языковое (функциональное) выражение. Количественно устаревание связано с сокращением числа активных пользователей языка; функционально – с утратой навыков владения языком в силу действия более коммуникативно мощного металека, сворачивая функционально-коммуникативного радиуса идиома, эрозии системы языка или её подсистем» (Swiggers, 2007: 22).

Профессор groningenского университета М. Шмидт считает, что language attrition (стирание языка) типично для ситуаций, когда «потеря владения языком не является результатом ухудшения работы мозга в силу возраста, болезни или травмы, а результатом изменения лингвистического поведения ввиду разрыва контакта с коллективом, в котором говорят на этом языке» (Schmid, 2008: 10).

Language loss (потеря языка) определяется американским исследователем Р. Андерсеном как «форма индивидуальной языковой эволюции, при которой индивидуум теряет способность говорить на конкретном языке» (Andersen, 1982: 84).

Согласно трактовке испанского ученого А. Бастардаса-Боады language extinction (вымирание языка) происходит в случаях, когда билингвальное население, владеющее двумя языками, прекращает в определенный момент времени говорить на родном языке и ориентируется на использование второго языка» (Bastardas-Boarda, 2013: 26).

Канадские исследователи Д. Блэк и И. Лэм полагают, что language suicide (языковое самоубийство) происходит в случаях, если «старшее поколение, имеющее высокий социальный статус в миноритарном сообществе говорящих, сознательно склоняется к тому, чтобы не обучать свое потомство языку меньшинства и принимает язык большинства как язык воспитания детей, тем самым самовольно прерывая передачу языка следующему поколению» (Beck, Lam, 2008: 5).

С точки зрения британских авторов книги «Languages and the Military: Alliances, Occupation and Peace Building» («Языки и военные: альянсы, оккупация и миростроительство») Г. Футитт и М. Келли, language demise (упадок языка) наблюдается в течение длительного периода времени, когда носители перестают говорить на своем родном идиоме в пользу более престижного металекта» (Footitt, Kelly, 2012: 217).

Опираясь на модель Х. Ю. Зассе, можно констатировать, что предложенные исследователями термины имеют пограничное значение и занимают позицию, относящуюся либо к начальной, либо к промежуточной фазе общей модели языковой смерти. К языковому сдвигу можно отнести такие терминологические единицы, как language demise (упадок языка), language suicide (языковое самоубийство), language extinction (вымирание языка), в то время как с языковым распадом соотносятся language obsolescence (устаревание языка), language attrition (стирание языка) и language loss (потеря языка).

Отечественная практика изучения феноменов языковой смерти ареального характера пестрит, напротив, постструктуралистскими подходами (когнитивным, фреймовым и дискурсивным) к проблеме структурно-функциональной фактуры, зачастую приводящими к ложной интерпретации и устареванию эмпирических данных. С одной стороны, это вызвано отсутствием упорядоченного и систематизированного понятийно-терминологического аппарата для описания процессов инволюции, с другой стороны, предпосылки для его появления при использовании постструктуралистских подходов самими исследователями не создаются. Значительных успехов добилась московская школа социолингвистики, поставившая во главу угла региональный статус исчезающих языков (В. И. Беликов, В. М. Алпатов), а также границы его распространения (В. А. Виноградов, В. Я. Порхомовский, А. М. Коваль). Существенными по глубине и охвату следует признать исследования сотрудников Института филологии СО РАН (А. В. Дыбо, Н. Н. Широбокова, И. А. Невская и др.), а также ряда сибиреведов (А. В. Есипова, А. Ю. Фильченко, Э. Вайда и др.), выполненных на материале исчезающих языков народов Сибири и фактически интерпретирующих проблему языковой смерти в различных функциональных аспектах.

Исследование процессов инволюции на материале немецкоязычных страт российских немцев одного из сибирских регионов (Томской области), в котором согласно проведенной в 2010 г. Всероссийской переписи населения дисперсно проживают 8 687 потомков немецких переселенцев, направлено на изучение феномена языковой смерти второго типа через призму синтеза её двух аспектов: 1) средовом, т.е. в сохранении средовых детерминант («питательной среды» языка), в условиях которых происходило его развитие (Кобенко, 2017); 2) структурном, т.е. сохранении структурных свойств языка (ядерных структур), которые являются нередуцируемыми для его жизнедеятельности. Данное понимание определяет укрупнённый (интра-экстралингвистический) подход в сочетании с социальными аспектами, к которым относятся социолингвистические параметры анализа языковых ситуаций (качественный, количественный, оценочный) (Виноградов, 1990). Реализация укрупнённого подхода, являющегося синтезом

структурных и социальных аспектов описания феномена языковой смерти, позволит отследить инволюционную динамику немецкоязычных страт российских немцев указанного сибирского региона. Включение в аппарат исследования структурных аспектов призвано обеспечить учёт функциональных особенностей системно-структурных механизмов языковых форм. Германист Ф. Дебус предложил в 1988 г. уровневую модель немецкого языка, которая служит прототипом и для малых языковых форм российских немцев, проживающих в Томской области. Согласно модели Ф. Дебуса (Debus, 2001) внутри любой формы языка находится ядро (фономорфосинтаксис), образующее несократимую основу языка. Очевидно, разрушение языкового ядра в результате инволюции и выступает причиной языковой смерти второго (структурного) типа. Доказательством этому служит фокусировка внимания исследователей данного явления преимущественно на синтаксисе коммуникативных композиций в немецкой речи переселенцев (Andersen, 2016: 264–292). Регресс функционального назначения языка и его системы связан с появлением в языковой ситуации другого, функционально и коммуникативно более мощного, языка (металекта), который способствует эрозии первого. Данные явления, в свою очередь, ускоряют процессы ассиметричного билингвизма, результирующего в интенсивном влиянии русского языка на немецкоязычные страты потомков немецких переселенцев Томской области.

Подобные процессы можно диагностировать на примере речевого поведения одного из типичных представителей российских немцев Томской области – Луизы Августовны Костомаровой, родившейся в 1926 г. в Саратовской области в семье потомков немецких переселенцев немцев, прибывших в Россию по Пригласительному манифесту Екатерины Второй. Данный информант выбран как рядовой представитель российских немцев, проживающих на сегодняшний день на территории Томской области.

Проведенный анализ речевого поведения Л. А. Костомаровой показывает, что под давлением русского языка активно развиваются процессы упрощения синтаксиса немецкой речи указанного информанта: 1) изменение структуры предложения; 2) построение предложений по синтаксическим моделям русского языка; 3) нарушение рамочной конструкции; 4) оmissия глагола-связки (копулы).

1. Изменение структуры предложения вызвано частотным использованием русских модальных частиц, которые выполняют роль соединительного звена между отрезками высказывания и могут выражать: 1) вероятность //Ну, наверное, с Америкой дружить, Kontakte mit Amerika, из-за этого и изучают//; 2) пояснение //Ну, Петя, jedes ist Geschichte viel schreiben und dicke Bucke, dort alles war geschrieben, ну, а сейчас so schreibt man so net//; 3) результат //Ja, alles, alles, war da geschrieben, ну, в каком Jahr war das//. Особого внимания заслуживает итерация модальной частицы «ну» в сочетании с вводными вопросами «как сказать», «как называется», которые употребляются в ситуациях, когда информант подчеркивает: 1) негативное отношение к немецкому языку //Daitsche Sprache, ну, как сказать, никто не любит daitsche Sprache, die liebt никто, liebt nicht, nicht liebe die daitsche Sprache//; 2) отсутствие желания изучать немецкий язык со стороны других лиц //Uns war Daitsch sprechen und die Russen, ну, как сказать, редко, selten, sehen, wo deutsche Sprache lernt//; 3) стремление строить высказывание с помощью средств литературного языка //In Germania, ну, там есть эти mehr Stände, was du Widersprüche, ну, как сказать, ich sprech, ну, in Bibel, ну, германские там, spreche in dem Buch geschrieben bleibt//; 4) желание найти подходящее обозначение для предмета школьной программы //Ich hab alles geliebt, даже, ну, как сказать, арифметика, Rechnen, ну, ich konnte rechnen//; 5) процесс вспоминания слова, обозначающего эмоциональное возбуждение //Es war Krich mit den Daitschen, ну, вот из-за этого, вот, зло, как зло-то, как называется, да, der Zorn, Zorn//. Немаловажное значение в структуре немецкоязычных страт Л. А. Костомаровой занимает частица «вот». С одной стороны, в большинстве случаев данная частица является единственным указателем отражения общей оценки со стороны информанта //Петя, кому wer will, der lernt, вот//, //In der frien Zeit gelebt an Wolga und Russe waren... ой, и так не хотели, чтобы они ходили к нам, вот//, //Regel, да, ich habe immer gelernt, wie man schreiben muss, das alles

richtig ist, vom//, //der Krich hat angefangen, muss man damit leben, vom//, с другой стороны, она может служить сигналом при выделении предметов, на которые в процессе коммуникации говорящий стремится обратить внимание адресата: //Наш язык er ist nicht recht, wir spreche nicht Deutsch, ну, vom Appel, ну, я не говорю Apfel, Äppel, on Äppel, viel Äppel, vom Erbusse, арбузы, Milaune, vom эти дыни, vom морковка, Kerbe, Rautrebe, Kerbst – тыква, ну, в общем мы неправильно говорим//. Частица «вот» может также выполнять роль части речи (местоименного наречия), с которого начинается фраза //Vom как это было, da war russe Lehrerin, die russe Lehrerin, ich hatte seychas, как, Юсова Анна Александровна, in der dritten Klasse, sie war so schene, so schene, ну, Lehrerin, ну, schen war sie, vom//.

2. Построение предложений по синтаксическим моделям (Satzbaupläne) русского языка предполагает выбор коммуникативной перспективы русского предложения с типичной для неё последовательностью основных актантных звеньев //da lernen wie wir gesprochen auf Deutsch//, //in der frien Zeiten gelebt an Wolga//.

3. Нарушение рамочной конструкции в речевой продукции Л. А. Костомаровой сопровождается ассоциативным присоединением фрагментов русской речи //и думаю, как же вот diese Buchstaben geschrieben//, //konnte man никуда ходить//.

4. Омиссия глагола-связки (копулы) ведёт к оперированию указанным информантом простыми предикативами в несклоняемой форме //Ja, schwer, да, schwer für die Russen//, //Die Kirchen russisch//, //Englisch überall//, //die russische Sprache уже leichter wie die Daitsch//.

Безусловно, приведённые образцы речи представительницы немецких переселенцев не исчерпывают всю палитру типологических явлений, конституирующих изучаемый феномен. Более того, учитывая тотальный билингвизм российских немцев, проживающих на территории Российской Федерации, исследуемую проблематику можно и логично приурочить к феномену утраты не языка, а билингвизма в условиях давления языка-суперстрата. В этом смысле соотнесение данной темы с германистикой, как того хочется многим современникам, на наш взгляд невозможно. Во-первых, билингвизм всегда предполагает стратификацию функциональных страт; в силу этого их L₁ (базовым коммуникативным средством) автоматически становится русский язык, на котором говорящие «бабушки» общаются более пятидесяти лет (т.е. дольше целого отрезка общей синхронии), даже если их родной язык – один из немецких диалектов Поволжья. Во-вторых, сама проблема, возводящаяся рядом ареальных германистов в ранг «высокоактуальных», при чисто статистическом подходе таковой прекращает быть: пассивный немецкий словарный регистр (запас) выпускника спецшколы равен приблизительно 20 000 лексических единиц. Разрушение такого образовательного билингвизма образца «русский L₁ vs. немецкий L₂» в силу действия тенденции к сокращению изучения немецкого языка и растущей популярностью изучения английского языка, или же ввиду обыкновённого старения (разрушения) нейронно-ассоциативных связей в коре больших полушарий (неокортексе) после 50 лет – то, что принято называть «возрастным забыванием», – не только превосходит по масштабам «трагедию» исчезновения немецкой страты в головах престарелых российских немцев (не превосходящую 4 000 единиц лексики), но и возвращает проблематику в законное русло рядовых социолингвистических процессов, наблюдаемых ежедневно и повсеместно, и вряд ли оправдывающих появление в последние годы сразу нескольких докторских диссертационных исследований «по германистике» в Томске.

Конечно, тема разрушения русско-немецкого билингвизма – как частная лингвистическая проблема и парциальный аспект феномена языковой смерти – на территории РФ предельно плохо изучена. Это объясняется, в первую очередь, как отмечено выше, постструктуралистским уклоном (в когнитивистику, лингвоперсонологию, дискуртологию и т.п.) имеющихся конъюнктурных исследований. Однако эмпирическая база изучения второго типа языковой смерти не может быть экземплифицирована тем незначительным количеством говорящих, которые синхронно проживают на территории Томской области. Для проведения изыс-

каний, предполагающих глубокое изучение феномена инволюции (структурного сворачивания языка), контекст билингвизма или такого билингвизма, конечно, выгоден, однако, к сожалению, недостаточен. Здесь, отдавая дань честной пастеровской традиции научного поиска, необходимо приобщение фактур межрегионального и даже межгосударственного характера, учитывая успехи, в первую очередь, американских лингвистов в изучении феноменов языковой смерти в местах компактного поселения немецких переселенцев, например, в Пенсильвании. Итак, было бы неправомерно ограничивать изучение языковой инволюции обследованием одних потомков поволжских спецпереселенцев. Тем не менее, редкое сочетание возрастных, этнологических и лингвогенетических факторов в быту представителей немецкого этноса в азиатской части РФ выступает удачным и благоприятствующим обстоятельством для укрупнения поля наблюдения за процессами языковой смерти.

Перспективой изучения языковой смерти второго типа на материале немецкоязычных страт российских немцев Томской области в русле имплементации укрупненного подхода станет выявление структурных (собственно лингвистических явлений фонетического, грамматического, лексического и синтаксического уровня), а также выделение ряда универсальных особенностей, типичных для малых немецкоязычных форм не только в регионах РФ, но и в межконтинентальной перспективе: 1) уточнение совокупности условий, приведших к неравномерному использованию языков в ситуациях ассиметричного русско-немецкого билингвизма; 2) идентификация идиома, сформированного в условиях длительного иноязычного окружения, с точки зрения его соотношения в письменной и устной коммуникации; 3) отражение факторов, влияющих на отказ члена языкового коллектива использовать один язык в пользу другого, более престижного идиома; 4) лингвистическое диагностирование «патологии» речи на финальных стадиях языковой инволюции.

Итак, ожидаемый совокупный прирост научных данных в результате проведения такого исследования свидетельствует скорее в его пользу, однако во внимание должны приниматься высказанные критические соображения, могущие рассматриваться как предпосылки или координаты научного поиска. Ожидает интерпретации, углубления и систематизации и сам понятийно-терминологический аппарат такого направления социолингвистики, изучающего процессы языковой смерти (в ряде случаев сегодня – это лишь частные попытки переводческого осмысления опыта американских функционалистов). В целом, главной задачей такого направления с его ареальной спецификой следует признать построение теории языковой инволюции, предполагающей а) систематизацию, во-первых, исследований ареальной отечественной лингвистики в области изучения языковых форм российских немцев и, во-вторых, мировой парадигмы исследований дисперсных зон распространения немецкоязычных переселенцев из Германии (исследования такого уровня в обеих перспективах ещё не проводились); б) создание российскими учёными-германистами понятийно-терминологического аппарата теории инволюции с учётом опыта интерпретации языковой смерти и сопутствующих явлений российскими и зарубежными коллегами; в) доказательство социолингвистической (средовой) детерминанты в динамике распада языковой формы; данный результат позволит официально закрепить за явлением инволюции экстралингвистическую (социальную) обусловленность и признать несостоятельными другие (постструктуралистские) подходы.

Список литературы

- Ауман В. А., Чеботарева В. Г. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). – М.: МИГУП, 1993. – 448 с.
Виноградов В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 616–617.
Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Автономная республика. 1924–1941. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 416 с.
Дизендорф В. Демографические процессы // Немцы России: энциклопедия. – Т. 1. А-И. – М., 1999. – С. 682–690.
Дульзон А. П. Проблема смешения диалектов по материалам говора с. Прайс. Т. 1–2. – Саратов, 1938. (Неопуб. рукоп.).

- Жирмунский М. В. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // СЭ. – 1933. – № 2. – С. 84–112.
- Кобенко Ю. В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. – Томск: Изд-во ТПУ, 2017. – 214 с.
- Москалюк Л. И. Процессы сохранения/утраты родного языка российских немцев // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 5 (36). – С. 275–277.
- Andersen Ch. Syntax in contact. Word order in a variety of German spoken in Siberia. In: Journal of Language Contact // Journal of language contact. – 2016. – Vol. 9, iss. 2. – P. 264–292.
- Andersen R. W. Determining the linguistic attributes of language attrition // The loss of language skills. – Rowley, MA: Newbury House, 1982. – P. 83–118.
- Bastardas-Boarda A. Complexity perspectives on language, communication and society. – Berlin: Springer, 2013. – P. 15–34.
- Beck D., Lam Y. Language loss and linguistic suicide: A case study from the Sierra Norte de Puebla, Mexico. – Toronto Working Papers in Linguistics, 2008. – P. 5–16.
- Brown J. Religious Identity and Language Shift among Amish-Mennonites in Kishacoquillas Valley, Pennsylvania. – PhD dissertation, Pennsylvania State University. 2011. – 216 p.
- Crystal D. Language death. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 198 p.
- Debus F. Überfremdung der deutschen Sprache? Zur Frage des englisch-amerikanischen Einflusses. – DaF, 2001. Vol. 4. – S. 195–204.
- Footitt, H., Kelly M. Languages and the Military: Alliances, Occupation and Peace Building. – Springer, 2012. – 249 p.
- Keel W. D., Mattheier K. German language varieties worldwide: Internal and external perspectives / Deutsche Sprachinseln weltweit: Interne und externe Perspektiven. – Peter Lang, – Frankfurt/M., Berlin, Bern, New York, Oxford, Wien, 2003. – 325 s.
- Sasse H.-J. Language decay and contact-induced change: similarities and differences // Language death: factual and theoretical explorations with special reference to East Africa. – Mouton de Gruyter, Berlin; New York, 1992. – 456 p.
- Schmid M. S. Defining language attrition. – Babylonia, 2008. Vol. 2. – P. 9–12.
- Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. – 8. Auflage. – Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. – Stuttgart, 2004. – 1018 s.
- Swiggers P. Two key concepts of language endangerment: language obsolescence and language death // Linguistica. – 2007. – Vol. 47, № 1. – P. 21–33

Кобенко Юрий Викторович, доктор филологических наук.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru

Костомаров Петр Иванович, кандидат филологических наук.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Ул. Усова, 7, Томск, Россия, 634034.

E-mail: petrkost@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26 октября 2017 г.

Kobenko Y., Kostomarov P.

TO THE QUESTION OF THE INVOLUTION OF THE GERMAN SPOKEN FORMS OF THE RUSSIAN GERMANS

The description of the processes of language death is one of the most important problems in the study of endangered languages. This article highlights the current state of research on language death in Russia and abroad. The analysis of the dynamics of disintegration of small language forms in places of compact residence of German immigrants is of particular interest. On the basis of primary data, the paper proposes diagnosis of the processes of language death of the second type (involution) based on the example of the decay of German spoken forms used by the representatives of Russian Germans in the Tomsk region.

Key words: *involution, language death, Russian Germans, German spoken forms, Russian-German bilingualism, enlarged intra-extralinguistic approach.*

References

- Andersen Ch. Syntax in contact. Word order in a variety of German spoken in Siberia. In: Journal of Language Contact // Journal of language contact. – 2016. – Vol. 9, iss. 2. – P. 264–292.
- Andersen R. W. Determining the linguistic attributes of language attrition // The loss of language skills. – Rowley, MA: Newbury House, 1982. – P. 83–118.
- Auman V. A., Chebotareva V. G. Istoriya rossijskikh nemcev v dokumentah (1763–1992 gg.) [The history of Russian Germans in documents (1763–1992)]. – M.: MIGUP, 1993. – 448 p. (in Russian)
- Bastardas-Boarda A. Complexity perspectives on language, communication and society. – Berlin: Springer, 2013. – P. 15–34.
- Beck D., Lam Y. Language loss and linguistic suicide: A case study from the Sierra Norte de Puebla, Mexico. – Toronto Working Papers in Linguistics, 2008. – P. 5–16.
- Brown J. Religious Identity and Language Shift among Amish-Mennonites in Kishacoquillas Valley, Pennsylvania. – PhD dissertation, Pennsylvania State University. 2011. – 216 p.
- Crystal D. Language death. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 198 p.
- Debus F. Überfremdung der deutschen Sprache? Zur Frage des englisch-amerikanischen Einflusses. – DaF 4, 2001. – S. 195–204.
- Dizendorf V. Demograficheskie processy [Demographic processes // The Germans of Russia: encyclopedia. – T. 1. A-I. – M., 1999. – P. 682–690. (in Russian)
- Dulzon A. P. Problema smesheniya dialektov po materialam govora s. Prajs [The problem of mixing dialects according to the materials of the dialect of village Preis]. – T. 1-2. – Saratov, 1938 (unpublished). (in Russian)
- Footitt H., Kelly M. Languages and the Military: Alliances, Occupation and Peace Building. – Springer, 2012. – 249 p.
- German A. A. Nemeckaya avtonomiya na Volge. 1918–1941. Csast II. Avtonomnaya respublika. 1924–1941 [German autonomy on the Volga. 1918–1941. – Part II. Autonomous Republic. 1924–1941. – Saratov: Saratov University Press, 1994. – 416 p. (in Russian)
- Keel W. D., Mattheier K. German language varieties worldwide: Internal and external perspectives / Deutsche Sprachinseln weltweit: Interne und externe Perspektiven. – Peter Lang, – Frankfurt/M., Berlin, Bern, New York, Oxford, Wien, 2003. – 325 s.
- Kobenko Y. V. Yazyk i sreda. Opyt sistematizacii dannyh mezhdisciplinarnyh issledovanij [Language and environment. The experience of the systematization of interdisciplinary research data]. – Tomsk: Publishing house TPU, 2017. – 214 p. (in Russian)
- Moskalyuk L. I. Processy sohraneniya/utraty rodnogo yazyka rossijskikh nemcev [Processes of preservation / loss of the native language of Russian Germans] // World of Science, Culture, Education. – 2012. – № 5 (36), – P. 275–277. (in Russian)
- Sasse H-J. Language decay and contact-induced change: similarities and differences // Language death: factual and theoretical explorations with special reference to East Africa. – Mouton de Gruyter, Berlin; New York, 1992. – 456 p.
- Schmid M. S. Defining language attrition. – Babylonia, 2008. – Vol. 2. – P. 9–12.
- Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. – 8. Auflage. – Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. – Stuttgart, 2004. – 1018 s.
- Swiggers P. Two key concepts of language endangerment: language obsolescence and language death // Linguistica. – 2007. – Vol. 47, № 1. – P. 21–33.
- Vinogradov V. A. Yazykovaya situaciya [Language situation] // Linguistic encyclopedic dictionary. – M., 1990. – P. 616–617. (in Russian)
- Zhirmunskij M. V. Itogi i zadachi dialektologicheskogo i ehtnograficheskogo izucheniya nemeckih poselenij SSSR [Results and tasks of dialectological and ethnographic study of the German settlements of the USSR] // SE. – 1933. – № 2. – P. 84–112. (in Russian)

Kobenko Yuriy.

National Research Tomsk State University.

Av. Lenin, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru

Kostomarov Petr.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Ul. Usova, 7, Tomsk, Russia, 634034.

E-mail: petrkost@yandex.ru